АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В КАРАКАЛПАКСТАНЕ В ПЕРИОД НЕЗАВИСИМОСТИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО ХОРЕЗМА

Алиакберова Зарина Исмаиловна

Магистрант 1-го курса Азиатского международного университета.

Научный руководитель:

Умаров Бахтишод Бахридин угли

Доктор философии (PhD) по историческим наукам, доцент Азиатского международного университета.

Аннотация. *В статье рассматривается значение археологических исследований периода независимости Узбекистана для изучения Древнего Хорезма и историко-культурного наследия Каракалпакстана. На основе опубликованных материалов раскопок Акшахан-калы и Бурлыкалы, исследований Миздахкана и сравнительных данных по Приаралью анализируются изменения в представлениях о политических центрах, религиозной культуре и освоении природной среды. Применяются источниковедческий, историко-сравнительный и историографический методы. Основное внимание уделено соотношению археологического наблюдения и исторической интерпретации. Показано, что значение новых работ определяется не только обнаружением памятников, но и уточнением их хронологии, функций и места в системе расселения. Обоснована необходимость разграничивать царскую резиденцию и столицу, культовую традицию и позднее предание, региональную общность и современные административные границы. Материалы сопредельных территорий рассматриваются как сравнительные, а предварительные сообщения об открытиях — с учетом степени их научной апробации.*

Ключевые слова: *Древний Хорезм, Каракалпакстан, археология, период*

независимости, Акшахан-кала, Бурлыкала, Миздахкан, Приаралье, историческая интерпретация.

Введение. Археологические исследования Каракалпакстана позволяют рассматривать историю Древнего Хорезма через конкретные формы организации городской жизни, обороны и религиозной практики. Для оценки работ периода независимости принципиально различать открытие ранее неизвестного памятника и получение новых результатов на объекте, введенном в научный оборот значительно раньше. Так, Акшахан-кала была выявлена в 1956 г., тогда как стационарные исследования международной экспедиции начались в 1995 г. Следовательно, вклад этого проекта связан прежде всего с раскрытием структуры и содержания памятника [1; -С.175;].

Результаты новых раскопок требуют пересмотра не только отдельных датировок, но и способов объяснения исторического материала. Монументальное здание может свидетельствовать о концентрации ресурсов и особом статусе его заказчиков. Однако само по себе оно не устанавливает границы государства, административную иерархию или этническую принадлежность населения. Аналогично находки предметов с религиозной символикой позволяют обсуждать определенные верования, но не дают достаточных оснований распространять их на все население региона.

Цель статьи — определить, какие изменения в понимание истории Древнего Хорезма внесли избранные исследования Каракалпакстана, опубликованные в период независимости. Для этого рассматриваются результаты изучения Акшахан-калы и Бурлыкалы, уточнения в интерпретации Миздахкана, а также возможности сопоставления этих материалов с открытиями на сопредельных территориях. Рабочее положение статьи заключается в том, что научный вклад современных проектов точнее оценивать по проверяемым

изменениям исторической реконструкции, чем по количеству объявленных открытий.

Источниковая база и методы исследования. Работа имеет обзорно-аналитический характер. Ее основу составляют публикации участников археологических экспедиций, исследования архитектуры и настенной живописи, а также официальное сообщение о погребальном комплексе, выявленном в Хорезмской области в 2026 г. Хронологические рамки обзора относятся ко времени исследований и публикаций после 1991 г.; рассматриваемые памятники принадлежат разным историческим эпохам. Древний Хорезм понимается как историко-культурный регион, который не совпадает с территорией современной Республики Каракалпакстан.

Источниковедческая критика используется для определения происхождения сведений, характера публикации и надежности выводов. Историографическое сопоставление позволяет отделить ранние датировки и предположения от более поздних уточнений. Историко-сравнительный метод применяется при обсуждении архитектурных форм и региональных связей. При этом сходство отдельных признаков рассматривается как основание для постановки вопроса о контактах, а не как достаточное доказательство единой культурной принадлежности.

Анализ строится на разграничении зафиксированного материала, его датировки и функционального объяснения. Для каждой интерпретации существенны контекст находки, связь с определенным строительным горизонтом и согласованность с другими категориями источников. Дата полевого сезона отделяется от даты выхода публикации. Поздние предания рассматриваются как самостоятельный материал по истории памяти и почитания памятников. Они не используются для установления времени строительства без независимых подтверждений.

Результаты исследования

Акшахан кала и проблема политического центра. Акшахан-кала, известная в ранних публикациях также как Казаклы-яткан, занимает центральное место в обсуждении политической и религиозной организации древнехорезмийского общества. Стационарные раскопки, начавшиеся в 1995 г., продолжили изучение памятника, известного по работам советского времени. Ранний отчет характеризует его как комплекс Верхнего и Нижнего городов, включенных в общую оборонительную систему [1; -С.175–177;]. Международный проект осуществлялся каракалпакскими исследователями совместно с Сиднейским университетом Австралии [2; -С.208;].

В раннем отчете строительство обеих частей городища относилось к IV в. до н. э. [1; -С.180;]. В публикации 2017 г. площадь Верхнего и Нижнего ограждений оценивается приблизительно в 15 и 27 га соответственно. Основание комплекса отнесено к концу III — началу II в. до н. э., а прекращение его основного использования — ко II в. н. э.; отмечается и более позднее частичное заселение [2; -С.208–209;]. Различие оценок показывает, что датировку памятника следует соотносить с этапом его изучения. Возраст отдельных находок при этом необходимо отличать от времени сооружения сохранившейся монументальной застройки.

Особое значение имеют сооружения церемониального комплекса, колонные залы и настенная живопись. Их пространственная связь дает основания изучать не только строительную технику, но и организацию действий, рассчитанных на определенную аудиторию. Публикации отмечают сочетание изображений, проходов и монументальных помещений с практиками царского церемониала [2; -С.209–210;]. На наш взгляд, именно совместный анализ архитектуры и изобразительной программы позволяет объяснять высокий статус Акшахан-калы убедительнее, чем указание на ее размеры.

Тексты, сопровождающие изображения в «галерее портретов», рассматриваются исследователями как аргумент в пользу царского характера комплекса и его связи с династической преемственностью. В отдельной работе предложена идентификация ряда изображений с божествами авестийского пантеона [3; -С.1369–1370;]. Эти интерпретации расширяют возможности изучения религиозного обоснования власти. Вместе с тем названия «галерея портретов» и «царская резиденция» не означают, что личность каждого изображенного персонажа установлена.

Проблема столичного статуса требует дополнительного разграничения понятий. Крупная царская резиденция могла быть местом проведения обрядов, хранения ценностей и представления власти. Для признания ее единственным административным центром необходимы сведения о системе управления и отношениях с другими поселениями. Поэтому Акшахан-калу обоснованно рассматривать как крупный царский и церемониальный центр, тогда как определение «первая столица Хорезма после выхода из державы Ахеменидов» остается более широким предположением. Датировка основания комплекса сама по себе не устанавливает момент изменения политического положения всего Хорезма [2; -С.208–209; 3; -С.1370].

Для истории искусства значение находок состоит в расширении корпуса ранней монументальной живописи Центральной Азии. Ф. Кидд и Э. Беттс рассматривают материалы Акшахан-калы как важное звено между сохранившимися образцами эллинистического времени и более поздними среднеазиатскими ансамблями [4; -С.656;]. На этой основе можно ставить вопрос о развитии местных художественных традиций. Однако превосходные определения вроде «древнейшие изображения всех правителей Центральной Азии» требуют отдельного сравнительного исследования и не следуют из самого факта обнаружения росписей.

Бурлыкала и уточнение истории небольшого укрепленного центра. Исследование Бурлыкалы дополняет материалы крупных монументальных комплексов. В отчете за 2024 г. памятник характеризуется как небольшая крепость размером около 100 × 60 м на юго-восточных отрогах Султануиздага. Он был выявлен Хорезмской экспедицией в 1946 г., поэтому современные раскопки представляют новый этап изучения известного объекта. В 2024 г. здесь исследовались многокомнатное здание и башнеобразное сооружение, под которым зафиксированы остатки более ранней застройки [5; -С.15–21;].

Новые результаты показывают, что небольшую укрепленную площадку нельзя объяснять только ее оборонительным назначением. Последовательность перестроек, устройство помещений и характер находок позволяют ставить вопросы о хозяйственной и общественной роли объекта. При этом назначение сооружения следует устанавливать для конкретного этапа его существования: одинаковые внешние очертания не гарантируют неизменности функции на протяжении нескольких столетий.

По материалам сезона 2025 г., опубликованным в 2026 г., керамика помещения I охватывает древнехорезмийское и афригидское время. В слое пожара помещения II обнаружена тетрадрахма греко-бактрийского царя Евкратида I. Находка хума в контексте башнеобразного сооружения позволила авторам отнести его строительство к III в. н. э. [6; -С.35–36;]. Эти результаты уточняют внутреннюю хронологию памятника и расширяют основания для обсуждения его связей с другими областями Центральной Азии.

Находка монеты имеет значение при сохранении различия между временем чеканки, периодом обращения и датой попадания в слой. Она не доказывает политического подчинения Хорезма Греко-Бактрии. Для такого вывода потребовался бы независимый комплекс данных. Аналогичным образом датировка строительства башнеобразного сооружения не равнозначна

окончательному решению вопроса о его функции. Материалы Бурлыкалы ценны именно тем, что допускают проверку прежних предположений по стратиграфии и связанным с ней находкам.

Миздахкан и историческая неоднородность сакрального комплекса. Миздахкан требует рассмотрения как комплекса разновременных объектов. Возраст раннего поселения, время существования средневековой застройки и история почитания отдельных мест не могут передаваться одной общей датировкой. Для оценки исследований периода независимости важно также различать новое открытие и новое объяснение давно известного сооружения. Значительная часть научного вклада здесь связана с уточнением архитектурного контекста и сопоставлением памятников.

Показателен мавзолей Мазлумхан-Сулу. О.-Ш. и М.-Ш. Кдырниязовы относят его к 20–30-м гг. XIV в. и рассматривают в контексте архитектуры Золотой Орды. Сооружение имеет надземную и заглубленную части, поэтому определение его как здания, «полностью выкопанного под землей», неточно. В той же публикации для Халифа Ережепа приведена датировка XII–XIV вв., восходящая к исследованию А. Ю. Якубовского [7; -С.192;]. Эти сведения показывают необходимость указывать автора конкретной датировки, особенно при наличии различающихся оценок.

Сопоставление архитектуры Мазлумхан-Сулу с сооружениями других областей позволяет обсуждать включенность средневекового Хорезма в более широкое культурное пространство [7; -С.196–197;]. Однако архитектурная аналогия не устанавливает автоматически происхождение мастеров или прямое заимствование строительной программы. Подобные выводы должны учитывать технику кладки, декор, последовательность строительства и исторические условия.

Предания о Мазлумхан-Сулу, Шамун-Наби и «мировых часах» следует изучать в связи с историей паломничества и локальной памяти. Рассказ о ежегодном выпадении кирпича из стены свидетельствует о способе символического осмысления руин, но не описывает закономерность разрушения здания. Историческая ценность предания определяется обстоятельствами его фиксации, вариантами текста и кругом носителей. Без этих сведений оно остается материалом для дальнейшего исследования, а не доказательством событий древности.

По той же причине смену погребальных практик нельзя сводить к единовременному переходу населения от одной религии к другой. Для реконструкции такого процесса необходимо сопоставлять датированные погребения, их конструкцию и расположение, эпиграфику и другие источники. Обнаружение оссуария или мусульманского захоронения устанавливает наличие соответствующей практики в определенном контексте. Вопрос о ее распространении и длительности требует самостоятельного анализа.

Открытия сопредельных территорий как сравнительный материал. Материалы высохшего дна Аральского моря расширяют представления об освоении Приаралья, но нуждаются в точной географической атрибуции. Кердери-1, Кердери-2 и Арал-асар рассматриваются в исследованиях казахстанского Приаралья. Обследование известных памятников состоялось в 2000 г., раскопки Кердери-1 — в 2001 г., а комплексные работы на Арал-асаре и Кердери-2 — в 2004 г. Следовательно, Кердери-2 нельзя считать объектом, впервые обнаруженным в 2008 г. [8; -С.133–134;].

Публикация результатов обследования 2021 г. характеризует Арал-асар как средневековое поселение площадью около 6 га в Аральском районе Кызылординской области. Авторы обсуждают его земледельческое окружение в связи с рукавами Сырдарьи [8; -С.135–136;]. Отчет о работах 2006 г. также

фиксирует исследование полей, культурного слоя и поврежденных водой построек [9]. Поэтому объяснение местного орошения исключительно древними руслами Амударьи не соответствует приведенной локализации.

Наличие поселений на участках, позднее оказавшихся под водой, подтверждает изменение береговой линии и хозяйственной доступности этих земель. Однако по одному поселению нельзя установить одновременное состояние всего водоема. Утверждение о почти полном высыхании Арала требует сопоставления археологических датировок с геоморфологическими, гидрологическими и палеоэкологическими данными. Выражение «Аральская Атлантида» может использоваться в популярном изложении, но не заменяет определения конкретных памятников и условий их существования.

Отдельное значение имеет официальное сообщение Академии наук Республики Узбекистан от 4 сентября 2026 г. о могильнике в Топраккалинском районе Хорезмской области. В нем указаны 19 каменных ящичных погребений, скорченное положение останков, бронзовые предметы и бусы. Отнесение комплекса к эпохе бронзы прямо обозначено как предварительное; окончательная датировка и культурная атрибуция поставлены в зависимость от последующих исследований [10]. Этот объект относится к сопредельной территории и включается в обсуждение как сравнительный материал.

Такое разграничение не уменьшает значения открытия. Напротив, оно позволяет корректно поставить исследовательский вопрос о связях населения Хорезмского оазиса и соседних областей. Сходство погребального обряда может отражать контакты, общие представления или распространение отдельных практик. Выбор между этими объяснениями возможен после анализа всего комплекса, а не по одному внешнему признаку.

Обсуждение. Сопоставленные материалы позволяют выделить изменения в самой постановке исторических вопросов. Акшахан-кала дает основания

обсуждать взаимодействие архитектуры, религиозных представлений и царского церемониала. Бурлыкала показывает, как последовательные полевые сезоны уточняют историю сравнительно небольшого объекта. Миздахкан позволяет проследить необходимость раздельного анализа архитектурного памятника, погребальной практики и позднего почитания. При этом перечисленные случаи не образуют исчерпывающей картины всей археологии Каракалпакстана.

Сопоставление этих случаев показывает, что главный результат рассматриваемых работ заключается в возможности переходить от общей характеристики памятника к объяснению отдельных этапов и функций. Такой переход требует соотносить каждое утверждение с масштабом доказательств. Данные одной комнаты относятся прежде всего к этой комнате и ее горизонту; сведения о царском комплексе — к определенной форме представления власти; материалы некрополя — к конкретным погребенным группам и практикам. Распространение этих наблюдений на весь регион должно быть специально обосновано.

Период независимости также нельзя представлять как начало изучения ранее неизвестного исторического пространства. На примерах Акшахан-калы и Бурлыкалы прослеживается преемственность между выявлением объектов, их предварительным обследованием и последующими стационарными раскопками [1; -С.175; 5; -С.15]. Новые результаты приобретают убедительность благодаря возможности сравнить их с прежними планами и интерпретациями. Поэтому характеристика предшествующей археологии как простого поиска крепостей неоправданно сужает содержание этой исследовательской традиции.

Следующий вопрос касается соотношения известности памятника и его научной изученности. Топрак-кала, Аяз-кала, Кызыл-кала, Чильпык и Джанбас-кала важны для исторического ландшафта региона. Однако включение их в туристический маршрут не делает их синхронными и не доказывает единства

первоначального назначения. В исследовании открытий периода независимости каждый такой объект требует указания конкретного проекта, полевого сезона и полученного результата. Перечень достопримечательностей не может выполнять эту доказательную функцию.

Перспективным направлением дальнейшей работы является сопоставление планов, стратиграфии и датированных комплексов в единой пространственной системе. Оно позволит проверять предполагаемые связи между поселениями, укреплениями и каналами. Для изучения росписей существенна публикация их археологического положения и этапов реконструкции, а для погребальных комплексов — объединение археологических, антропологических и естественно-научных данных. Это исследовательские задачи, которые следуют из рассмотренных проблем; их нельзя представлять как уже выполненные на всех памятниках.

Заключение. Исследования периода независимости расширили возможности изучения политической, религиозной и городской истории Древнего Хорезма. Их значение проявляется в уточнении хронологии и устройства известных объектов, выявлении новых комплексов и проверке прежних интерпретаций. Для оценки этого вклада необходимо сохранять связь современных результатов с предшествующей исследовательской работой.

Акшахан-кала обоснованно рассматривается как крупный царский и церемониальный центр, но вопрос о ее месте в административной системе Хорезма требует дальнейшего изучения. Материалы Бурлыкалы уточняют последовательность застройки и характер региональных контактов. Миздахкан показывает, насколько важно отделять историю сооружений от истории их позднейшего почитания. Сопредельные памятники Приаралья и Хорезмской области расширяют сравнительную базу при условии точного обозначения их местоположения и степени изученности.

Таким образом, надежная историческая реконструкция опирается на разграничение наблюдения и объяснения. Предварительная датировка должна сохранять предварительный статус, функциональная гипотеза — проверяться по нескольким признакам, а региональное обобщение — учитывать хронологические и географические различия. Такой подход позволяет включать новые открытия в историю Хорезма без подмены аргументации эффектными, но недостаточно доказанными утверждениями.

Список использованных источников и литературы

1. Ходжаниязов Г. Х., Ягодин В. Н., Хелмс С. У., Макларен Б. П. Раскопки на Акшахан кале // Археологические исследования в Узбекистане — 2000 год / отв. ред. Т. Ш. Ширинов. Самарканд, 2001. С. 175–181.

2. Minardi M., Betts A. V. G., Khozhaniyazov G. Columned Halls in Ancient Chorasmia // Iran. 2017. Vol. 55, no. 2. P. 208–226. DOI: 10.1080/05786967.2017.1355568.

3. Betts A. V. G., Bonnat M., Kidd F., Grenet F., Khashimov S., Khodzhanijazov G., Minardi M. Des divinités avestiques sur les peintures murales d'Akchakhan-Kala, Ouzbékistan // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 2015. Vol. 159, no. 3. P. 1369–1396. DOI: 10.3406/crai.2015.94876.

4. Kidd F., Betts A. V. G. Entre le fleuve et la steppe : nouvelles perspectives sur le Khorezm ancien // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 2010. Vol. 154, no. 2. P. 637–686. DOI: 10.3406/crai.2010.92862.

5. Балахванцев А. С., Хакимниязов Ж. Х., Сайпов С. Т., Ветохов С. В. Исследования Российско-Каракалпакской экспедиции на Устюрте и Султануиздаге в 2024 г. // Восток (Oriens). 2025. № 2. С. 9–23. DOI: 10.31696/S086919080034620-9.

6. Балахванцев А. С., Хакимниязов Ж. Х., Кудайбергенов С. Ш., Алипов Р. А., Изосимов Д. А., Ильенко Н. С. Исследования Российско-Каракалпакской экспедиции на Бурлыкале в 2025 г. // Восток (Oriens). 2026. № 2. С. 35–48. DOI: 10.31696/S086919080038387-2.

7. Кдырниязов О.-Ш., Кдырниязов М.-Ш. Мазлумхан-Сулу — уникальный памятник Хорезма эпохи Золотой Орды // Поволжская археология. 2013. № 4 (6). С. 192–199.

8. Тажекеев А. А., Алибай Б., Жусипназар М. И. Золотоордынские памятники на дне Аральского моря: проблемы адаптации человека к изменению экологии региона // Central Asian Journal of Water Research. 2023. Т. 9, № 1. С. 130–148. DOI: 10.29258/CAJWR/2023-R1.v9-1/130-148.ru.

9. Археологические исследования на дне Арала // Archaeology.kz. 13.04.2022. Материалы полевого сезона 2006 г. URL: https://archaeology.kz/ru/expeditions/723-arheologicheskie-issledovaniya-na-dne-arala (дата обращения: 23.10.2026).

10. Археологи Хорезмской академии Маъмуна обнаружили могильник эпохи бронзы // Академия наук Республики Узбекистан. 04.09.2026. URL: https://gov.uz/ru/academy/news/view/215575 (дата обращения: 28.10.2026).